

≈ 20 мин

Ну что, товарищи пламенные революционеры, довели вы меня, заводского рабочего, до ручки. Не могу больше спокойно читать ваши фантастические рассказы о практике (нет, не так, Практике, как в святом писании). Что вы несёте, леваки, какая массовая агитация, какая работа с пролетариатом? О чём вы говорите? Кто из вас может четко привести мне 5-10 пунктов, которыми должен заняться LENIN CREW, чтобы избавиться от клейма «диванных теоретиков»? Если и найдется смельчак, то, боюсь, он начнёт говорить мне о раздаче листовок, об агитации на рабочем месте, о профсоюзной борьбе. Окститесь, товарищи, это же э-ко-но-мизм! Били его в ЛС, били, а всё без толку. Европейские профсоюзы видали? Ага, они там такие забастовки диспетчеров/учителей/докеров устраивают, что никаким «Вестникам Бури» не снилось, а марксизмом-то даже и не пахнет. После удовлетворения требований бастующих пролетарий, ещё вчера скандировавший «El pueblo unido», скажет вам, что живёт в прекрасной стране, потому что может добиться повышения зарплаты ненасильственными методами. И никакая революция ему не нужна.

Думается мне, все эти разговоры о практике вы ведёте исключительно потому, что вам её самим не хватает. Объясню, что я имею в виду. Среди современных марксистов подавляющее большинство составляют работники умственного труда и студенты. И это логично, ведь для постижения такого сложного комплекса, как марксизм, необходимы неплохая база из естественных и гуманитарных наук, привычка к большим текстам и умение рассуждать самостоятельно. Из больших светлых кабинетов действительно может показаться, что всё ясно и понятно: капиталисты эксплуатируют, за пролетариатом будущее, устраиваем революцию, всё обобществляем и далее по

тексту. Всего-то и требуется, что прийти к пролетариям, пролить свет истины, они откроют рты от удивления и понесутся в бой. Вот тут бы вас на завод, чтобы действительность сама по щекам отхлестала. Но где ж вам пересечься со слесарем, который расскажет, что наши солдаты в Сирии — это полезное расширение Русского мира, обществу жизненно необходимы правители, а профсоюзы всё равно не помогут — как скажет директор, так и будет? Практику, которая по-щучьему веленью, левацкому хотенью превращает разобщённых и зашоренных мещан в стальные кулаки пролетариата, я видел только в комментариях в соцсетях. Кто имеет позитивные примеры — милости прошу, присылайте ваши репортажи о красных ячейках в офисах и заводах, активно готовящихся к революции.

Чую, сейчас на меня накинута за пренебрежительное отношение к рабочим и их интеллектуальным навыкам. Мол, за дурачков их держите, высоко задравши нос. Но меня на такой дряни не поймаете. Во-первых, я сам в цехе металлообработки по двенадцать часов стою за станком, однако ж потихоньку осваиваю азы науки. Значит, всё-таки можно быть обычным рабочим и учение Маркса постигать. Во-вторых, пролетариат в массе своей интеллектуально не развит не потому, что трудяги — быдло по определению, а потому, что существует отупляющая массовая культура, отбивающая привычку думать; снижается количество бюджетных мест в ВУЗах, что закрывает дорогу в интеллектуальные сферы для тех, у кого нет денег; студентам выплачивают просто нищенскую стипендию, и они начинают с первого курса мыть туалеты в Макдоналдсе вместо того, чтобы грызть гранит науки; очень многие наёмные рабочие получают крохотную зарплату, что вынуждает их пере- и подрабатывать; ну и не забываем об ипотеке, которая на 25 лет заставляет

забыть о личном достоинстве и пререканиях с начальством ради сохранения рабочего места. Короче, общественное бытие не способствует развитию умственных навыков. И нечего на зеркало пенять, коль рожа крива. Рожу эту, общественным устройством именуемую, необходимо кардинально менять. Для этого нужна революционная партия. Для партии нужны теоретики (без них так и будете что-то невнятно мямлить про эксплуатацию и отчуждение человеку со смартфоном в руке и автомобилем в гараже; что творят революционеры без теоретиков в условиях партизанской борьбы, читайте в нашей недавней [статье](#) о Перу). Теоретики спорадически появляются в обществе, но систематически они куются в кружках. Всё, схема предельно проста и понятна. Что могут в ответ заявить «практики»?

Жалко, что я не могу взять вас с собой на завод. Хоть на одну смену, вот посмотрел бы я, как рассыпаются ваши песчаные замки. Но давайте я на словах хотя бы передам некоторый опыт агитации. Есть у меня в цехе один рабочий, про себя я зову его Жухрай. Ему уж под 50, высшее образование он получал в перестройку, что не могло не сказаться на его мировоззрении: с одной стороны, владеет марксистской терминологией и обладает неплохой научной базой, признаёт трудовую теорию стоимости, эксплуатацию, но с другой стороны, постоянно кивает на разные Германии и прочие Швеции, заражён буржуазным патриотизмом и считает, что к коммунизму можно прийти и без революции (нет, ну есть, конечно, вероятность того, что буржуазия всего мира дружно сойдёт с ума и раздаст собственность пролетариату со словами «Простите нас, сволочей, и стройте коммунизм», но для этого есть паблики про научную фантастику). Казалось бы, чему можно научиться у эклектика, но такая возможность есть: во-первых, он может дать какой-никакой, но марксистский анализ экономических

тенденций промышленного производства в СССР и РФ; во-вторых, в полемике с ним я учусь отбиваться от аргументов буржуазной идеологии и противопоставлять им контраргументы; в-третьих, наши споры слушают остальные рабочие, привыкают к словам «пролетариат», «эксплуатация», «революция» в речи и медленно начинают заинтересовываться этими темами, а в-четвёртых, в плане моральных качеств он — замечательный человек. Особенно активно нас слушает один рабочий, лет тридцати, довольно смышлёный. Всегда в столовой садится поближе к нам, слушает, если долго молчим, просит, чтобы мы дальше рассказывали, как космические корабли бороздят Большой театр. В плане науки его передовым не назовёшь, просто стихийно он чувствует, что с обществом что-то не так, и только из моих слов услышал о том, что общественную проблему можно решить, и не абы как, а научно, благодаря марксизму. Про себя я зову его Слушатель.

Недавно у меня на заводе вышла интересная дискуссия. Во время перерыва я зашёл в раздевалку, коллеги, как обычно, сидели, уткнувшись в телефоны. Слушатель, увидев меня, хитро улыбнулся и заговорил со мной.

— Ну что, давай рассказывай про своих революционеров.

— Я в последнее время слишком уж часто тебя развлекаю, давай ты мне что-нибудь расскажешь?

— Ну я-то ничего такого интересного не знаю.

— Хорошо, расскажи тогда, как образуется прибыль?

Мой собеседник подумал и ответил:

— Ну, как мы поработаем, такая и будет прибыль. Если поработаем ударно, то

будет большая.

— Абсолютно верно, источником прибыли является наш с тобой труд. Но получает-то прибыль кто?

— Собственник завода.

— А почему?

— Потому что ему всё здесь принадлежит: станки, металл, заготовки...

— То есть, говоря научно, он обладает правом собственности на средства производства. Действительно, это право позволяет ему забирать прибыль, — подытоживаю я и начинаю поднимать градус революционного накала. — Но объясни мне, если вдруг владелец завода исчезнет, в нашей работе что-то изменится?

Трое молодых рабочих сморщили носы, провыли что-то вроде «У-у-у, начались скучные темы» и ушли.

Откуда-то со стороны послышалось:

— Так государство сразу всё отберет или родственники его, без него производство существовать не может.

Но я продолжил свою линию:

— Собственник этого предприятия находится в Москве. Вот пропадёт он куда-нибудь, мы об этом всё равно не сразу узнаем, может, дней через пять, а работать мы будем как и раньше, все производственные процессы всё равно контролируют начальники цехов, инженеры, генеральный директор (тоже наёмный работник, никаких акций завода у него нет), так?

— Так, — кивнул Слушатель.

— А если для нас нет принципиальной разницы в том, есть у завода собственник или нет, то зачем нам отдавать ему прибыль?

Голос из дальнего угла воскликнул:

— Так ты чё, грохнуть его хочешь?

Раздевалка наполнилась гулким мужским хохотом. Когда все отдышались, я ответил:

— Насильственный захват одного завода ничего не даст: приедет ОМОН и быстренько нас утихомирят. Необходимо установить рабочую власть на всех заводах страны, нигде не оставить права собственности на средства производства.

Мастер смены, до этого мирно дремавший в кресле, встрепенулся и с опаской спросил:

— Ты что, про революцию говоришь?

— Да.

Что тут началось! На меня обрушились около десяти голосов, гневно извергавших самые заезженные идеологемы из телевизора, который мои коллеги так прилежно смотрят уже много лет.

— Да ты знаешь, сколько крови пролилось из-за революции?

— А что ты поменяешь?

— Да если бы большевики не разрушили Империю, то мы бы сейчас процветали,
— и прочее и прочее.

Благо, народ быстро подвыдохся, и когда в последней голове выключился
Первый канал, я ответил:

— Вы не можете отрицать того факта, что нас эксплуатируют. Что владелец
завода наживается на нашем труде так же, как капиталисты и помещики сто
лет назад.

Мастер, видно, не на шутку разъярился и, нервно подёргивая губами, бросил:

— Да ты знаешь, что вот те люди, которых раскулачивали, они всё сами
заработали?

— Сами или на спине батраков, загнанных в скотские условия жизни?

— Сами! И вообще, всегда были люди, которые управляли и которые
подчинялись. Так было с древности, — авторитетно подвёл черту мастер.

Меня, конечно, подмывало спросить: «А вы из какой когорты будете?», но такие
скабрёжности пользы не несут, а настроить коллектив против меня могут. Пока я
об этом думал, болтливый паренёк из сварочной с апломбом заявил:

— А при коммунистах лучше было, что ли? Мне вот бабушка рассказывала, что
боялись пикнуть про власть: чуть что — и сразу увозили в тюрьму.

— Это личный опыт твоей бабушки. Во-первых, мы не можем его проверить. Во-
вторых, в Советском Союзе жили сотни миллионов людей, их деятельность и

опыт анализировали учёные и обобщали в форме книг. Ты книги о Советском Союзе читал?

— А я книги не читаю, — обиженно фыркнул сварщик.

— Вот то-то и оно. Благодаря этому нас в узде и держат. Никто не спорит, что жизнь в СССР была далека от идеала, но что мешает нам учесть его ошибки при строительстве нового общества в нашу эпоху?

Народ приуныл, в раздевалке стало тихо. Через пару минут все пошли обратно в цех. Слушатель подмигнул мне и сказал: «Пойдём, труба зовёт».

И таких историй за время работы на заводе у меня набралась целая куча, хватило бы на сборник рассказов. Каждый из них вскрывает отдельные моменты пролетарского сознания, его отношения к миру, революционным преобразованиям общества. Не имея пока возможности запечатлеть эти эпизоды на бумаге, я подведу итоги агитации в рабочей среде.

1. Массы не готовы говорить о революции. Причём я пробовал идти не только в лоб, как в рассказанной мной выше истории, но и окольными путями, через низкие зарплаты, платную медицину, тарифы ЖКХ и яхту Абрамовича. У пролетариев ещё есть возможность поддерживать утлое болотце мещанства: переработки позволяют иметь зарплату на уровне средней по региону; банки охотно кредитуют всех, кого только можно, так что квартиры, машины и телефоны создают иллюзию благоденствия; телевидение и Интернет каждую минуту распространяют реакционные идеи.
2. Типичный пролетарий мыслит шаблонами, которые закладывают ему в голову буржуазные СМИ. Выливают они потоки клишированных схем с рефлекторной

скоростью, да и бьют все разом. Чтобы уверенно им противостоять и переходить в контратаку, необходимо очень глубоко владеть марксизмом, свободно перепрыгивать от истмата к политекономии, а от неё — к диалектическому материализму. Только когда вы окажетесь в реальном бою со всеми мифологемами, которые были придуманы буржуазным обществом за последние 20 лет, вам станет ясно, насколько вы ещё ограничены в знаниях. Где необходимо поднимать теоретический уровень агитатору? Правильно, в кружках!

3. Индивидуальная форма агитации в современных условиях эффективнее массовой. Хорошо агитками Демьяна Бедного завлекать крестьян, когда на дворе тысяча девятьсот семнадцатый, всё общество наэлектризовано, речи читаются на каждом углу, плакаты висят на каждой стене. Иное дело — жизнь в эпоху реакции в полупериферийной империалистической стране. Очень сложно втолковать человеку, что он плохо живёт, когда у него есть семья, работа, дом, отдых в Турции. Необходимо не раз и не два поговорить с ним, найти его слабые места. Кому-то приходится давить на то, что из-за работы он совсем не проводит время с детьми. В ком-то эффективнее вызвать отвращение к буржуазному искусству и эстетике. Третьего можно завлечь изложением трудовой теории стоимости и игрой на собственнических чувствах, мол, ТВОЁ ведь присваивают проклятые буржуи. Необходимо также указывать на то, что рабочий в условиях капитализма даже при относительно неплохой зарплате — человек второго сорта, «лузер», именно таковым его считают «успешные люди», включая заводское начальство. В этом одно из отличий от ситуации в СССР, где, при всех недостатках, рабочий — это звучало гордо, у рядовых тружеников не было такой приниженности перед лицом руководства, как сегодня. Иногда об этом любят вспоминать пожилые рабочие: «Раньше, если что, пинком дверь

открываешь хоть к начальнику цеха, хоть к директору, высказываешь претензии, проблема начинает решаться, а теперь поди попробуй...»

Резюмируя, можно сказать, что массовая агитация пока не имеет универсальных методов, одинаково хорошо привлекающих и программиста, и студента, и грузчика. Приходится работать индивидуально и экспериментировать.

4. Всю пролетарскую массу заагитировать невозможно. В антагонистическом обществе человека неизбежно будут раздирать внутренние противоречия. Большинство, пытаясь спасти психику, предпочитает не решать их, а просто плыть по течению, сменив тревогу на апатию. В общественной позиции это выливается в аполитичность. Но неравнодушные люди все равно есть, и когда они попадают под влияние грамотного агитатора, выстраивается цепь: кружки—агитаторы—передовые рабочие—трудовые коллективы. В такой связке теоретики получают достоверную информацию о положении рабочего класса, его умонастроениях, проблемах. Пролетариат же, и особенно передовые рабочие, — возможность получать знания, правдиво объясняющие политическую ситуацию в стране и в мире, экономические процессы, научные теории, а также то, как всё это связано с его повседневной жизнью. В будущем эта связка превратится в коммунистическую партию.
5. Агитацию необходимо начинать максимально мягко и этично. Для грамотного марксиста ничего не стоит разбить в дискуссии в пух и прах обычного пролетария. Но так вы только настроите его против себя. Необходимо очень вежливо указывать на его ошибки и пробелы и хвалить за верные догадки и самостоятельные мысли. Может показаться, что я говорю очевидные вещи, но я едва-едва удержался, чтобы не разгромить одного коллегу по сирийскому вопросу, вовремя вспомнив, что громить надо идеологов буржуазии, а

пролетария расположить к себе и максимально интересно изложить ему альтернативную точку зрения.

6. Основная цель агитации — научить передового рабочего учиться. Необходимо помочь ему овладеть навыками критического мышления, самостоятельного поиска и оценки информации, сподвигнуть на дальнейшее распространение знаний среди коллектива. Иначе, если агитатора уволят, «агитируемый» перестанет учиться. Каков тогда вообще смысл пропаганды марксистских идей? Другое дело, если передовой рабочий освоит принципы классового подхода и партийности в философии. В сочетании со знакомством с текущей политической ситуацией в России и мире, а также основными достоинствами и недостатками современных коммунистических течений, мы получаем ценного сторонника, который даже в случае отрыва от агитатора продолжит учёбу и со временем сам станет агитатором. Немаловажно отметить, что необходимо освещать не только специфические марксистские вопросы, но и проблемы частных наук. Таким образом, методология марксизма будет не мертвым грузом, а ключом к систематизации и истолкованию знаний о мире, что, в свою очередь, будет служить основой для уверенности в работоспособности коммунистической теории.
7. Передовым рабочим необходима литература. Во время рабочего дня не всегда есть возможность провести полноценную беседу. Необходимо давать домашнее чтение. До статей уровня LENIN CREW они в основной своей массе ещё не доросли. Классики марксизма тем более для них слишком сложны, а местами не актуальны (критика утопического социализма, например). Было бы здорово выпускать некую газету для передовых рабочих, чтобы, когда тот же Слушатель приходит домой, марксистская агитация продолжала воздействовать на него и давала информацию, альтернативную той, что вливают в него буржуазные

медиа. При этом важно подчеркнуть: не должно быть сплошных новостей об экономической борьбе (они допустимы, но при грамотном марксистском комментарии), не надо бояться политики. Пролетарии не идиоты, прекрасно чувствуют, что мир куда-то не туда катится. Да и газета, повторяю, идёт как довесок к беседам с агитатором, в любом случае вторична по отношению к личным беседам, в ней можно и поэкспериментировать. Впрочем, на данный момент у редакции LC нет организационных ресурсов для выпуска подобного издания, ведь оно должно выходить с периодичностью, обычной для газеты. Это предполагает на порядок большее количество авторов (в первую очередь — работающих на предприятиях) и технических работников, нежели мы имеем сейчас.

Так какую практику нам надо стимулировать? Очевидно, что необходимо скрупулёзно собирать опыт марксистской агитации. Искать самые эффективные формы. Делать выводы. Подводить итоги. Давать советы начинающим. Намечать проблемы и пути их решения. Именно это я попытался начать в своей заметке.

Изучение практики индивидуальной агитации в будущем позволит сформировать теорию, максимально подходящую для агитации массовой. Задача же наших агитаторов — добиться того, чтобы передовые рабочие сами стали заниматься марксизмом и самообразовываться, а также, в свою очередь, агитировать коллег.

Такая вот диалектика, товарищи. А те, кто продолжают раздавать листовки на проходных, рискуют попасть в последний вагон локомотива истории.

Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.